

Содержание

Леонид Андреев	
Алеша-дурачок.....	9
О. Шульчева-Джарман	
Предтеча	28
Глеб Успенский	
Паровой цыпленок.....	30
Михаил Кукин	
«У выезда из города — костер...»	50
Константин Парчевский	
Рождественский рассказ.....	51
Лариса Подистова	
Рождество, мама	60
Михаил Кузмин	
Рождество.....	81

Антон Чехов	
В рождественскую ночь.....	82
Николай Лесков	
Пугало.....	93
Леонид Грилихес	
Слово на Рождество.....	177
Джордж Макдональд	
Дары Младенца Христа	
Перевод с английского С. Лихачевой.....	181
Осип Мандельштам	
«Где ночь бросает якоря...»	244
Дмитрий Григорович	
Рождественская ночь.....	245
О. Шульчева-Джарман	
«Секиру — к корню! Родит ли...».....	292
Леонид Грилихес	
Песнь Вифлеема	294

Гилберт Кийт Честертон	
Бог в пещере	
Перевод с английского Н. Трауберг	297
Александр Солодовников	
«В яслях лежит Ребенок...»	317
Афанасий Фет	
«Звезда сияла на востоке...»	319
Сергей Дурылин	
Четвертый волхв	320
Николай Лесков	
Зверь	327
Владимир Соловьев	
Имману-Эль	361
Евгений Баратынский	
Перстень	363
Казимир Баранцевич	
Гусарская сабля	384

Михаил Кузмин

Зима.....401

Владимир Соллогуб

Метель403

Дмитрий Кленовский

«Елочка с пятью свечами...»430

Евгений Поселянин

Николка.....431

Леонид Андреев
(1871–1919)

Алеша-дурачок

Посвящается Э. В. Готье

Впервые увидел я Алешу при таких обстоятельствах. Был холодный ноябрьский день. Сильный северный ветер быстро гнал по небу низкие тучи, гудел в голых вершинах обнаженных деревьев, срывая оттуда последние желтые скрюченные листья, своим печальным видом напоминавшие дачников, которые никак не могут расстаться с летом и только под влиянием крайней необходимости покидают насиженное место. Тот же суровый и настойчивый ветер подгонял и меня, настолько увеличив мою нормальную способность к передвижению, что путь от гимназии до дому, проходимый мною обыкновенно минут в тридцать, на этот раз сократился по меньшей мере минут на пять. Полагаю, впрочем, что один ветер едва ли достиг бы таких блестящих результатов, если бы не оказали ему содействие мои родители, наградившие меня тем, что в данную

минуту свободно можно было назвать парусом, но что при рождении было наименовано гимназическим теплым пальто, сшитым «на рост». По толкованию изобретателей этой адской машины выходило так, что когда года через четыре мне станет пятнадцать лет, то эта вещь будет как раз мне впору. Нельзя сказать, чтобы это было большим утешением, особенно если принять во внимание необыкновенную тяжесть этой вещи и длину ее пол, которые мне приходилось каждый раз с усилием разбрасывать ногами. Если добавить к этому величайшую, с широчайшими полями, ватную гимназическую фуражку, имевшую очевидную и злобную тенденцию навек сокрыть от меня свет Божий и похоронить мою бедную голову в своих теплых и мягких недрах, чему единственно препятствовали мои уши, да обширнейший ранец, вплотную набитый толстейшими книжками — и все в переплетах, — то, без всякого риска солгать, меня можно было уподобить путешественнику в Альпийских горах, придавленному обвалом и, кроме того, поставленному в грустную необходимость весь этот обвал тащить на себе. При этих условиях требовать от меня жизнерадостного настроения было бы нелепостью.

Дом наш находился на окраине города О. по Пушкарной улице. Энергично борясь с судьбою,

я успел приблизиться к нему и уже взялся за ручку калитки, чтобы через двор пройти к себе, когда из-под козырька фуражки заметил чьи-то грязные ноги, попиравшие чистые каменные ступени парадного крыльца. Сдвинув, насколько было то возможно, фуражку на затылок, я критическим взглядом окинул обладателя грязных ног. При первом поверхностном обзоре я успел заметить, что он одет более чем по-летнему. Коротенький и узкий нанковый пиджак туго обтягивал тело, выше кисти оставляя открытыми большие грязные руки, синевато-багровые от холода. Тот же оттенок носили и другие части тела незнакомца, выглядывавшие из прорванных нанковых брюк, далеко не достигавших нижних конечностей, обутых в опорки. Единственное, что в костюме незнакомца пробудило во мне некоторое чувство зависти, была маленькая-премаленькая засаленная фуражка, еле прикрывавшая стриженую голову.

— Послушай, чего тебе надо? — спросил я с деловитой суровостью барчонка, выполняющего ответственные функции хозяина и домовладельца.

Незнакомец молчал и смотрел на меня. Я тоже молчал и смотрел на него. Поразило меня при этом что-то особенное в выражении его глаз и рта. Лицо у него было совсем моложавое,

болезненно-полное и на щеках еле покрытое негустым желтоватым пушком. Носик маленький, красный от холода. Небольшие серые тусклые глаза смотрели на меня в упор, не мигая. В них совсем не было мысли, но откуда-то из глубины поднималась тихая молчаливая мольба, полная несказанной тоски и муки; жалкая, просящая улыбка как бы застыла на его лице.

— Послушай же! Чего тебе надо? — вторично спросил я, но уже со значительно меньшей суровостью.

Но незнакомец и на этот раз не удостоил меня ответа. Слегка сгорбившийся, беспомощно, как плети, опустивший руки по бокам, он смотрел на меня тем же взглядом, и лишь губы его стали шевелиться, как будто то, что нужно было ему сказать, находилось на самом кончике языка, но никак не могло соскочить оттуда.

— Ну? — подсобил я ему.

— Копеечку... — послышался тихий, точно откуда-то издали долетевший ответ.

— А ты звонил?

— Не-ет.

— Какой же ты глупый! Кто ж тебе даст, если ты не звонил.

Незнакомец молчал.

— А как тебя зовут?

— Алеша... Дурачок.

Эта необычная рекомендация не показалась мне странной, ибо я давно уже решил, что у незнакомца не все дома, и мне было жаль его. Особенно смущало меня проглядывавшее сквозь прорехи голое, синеватое тело.

— Тебе холодно?

— Холодно.

С быстротой нерассуждающего детства я составил чудный план помощи Алеше, имевший целью не только спасти его от холода, но обеспечить его будущность по меньшей мере на несколько десятков лет. Схватив Алешу за рукав, я энергично потащил его окольным путем в сад, более чем когда-либо негодуя на излишнюю предусмотрительность родителей, воплотившуюся в этом проклятом пальто «на рост». В саду я усадил Алешу на скамейку, с возможной поспешностью отправился домой и, не раздеваясь, потребовал от матери «как можно больше денег». Та изумилась, но ввиду того, что я имел честь состоять первенцем и баловнем дома, а также и потому, что у ней не было мелочи, дала мне рубль, строго приказав принести мне сдачи. Как же, дожидайся!

— На, Алеша. Тут много денег. Смотри, не потеряй.

Для верности я сам зажал в его руку драгоценную бумажку. Но все-таки меня грызло